

ЮРИЙ ТЫНЯНОВ

МАЛОЛЕТНЫЙ
ВИТУШИШНИКОВ

- ЮРИЙ ТЫНЯНОВ -

МАЛОЛЕТНЫЙ
ВИТУШИШНИКОВ

Рисунки
Н. Кузьмина

В ПЯТИДЕСЯТИ НУМЕРОВАННЫХ
ЭКЗЕМПЛЯРАХ ЭТОГО ИЗДАНИЯ
ВЛОЖЕН ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОК
ХУДОЖНИКА

А. Кузмину

ЭКЗЕМПЛИР

№ 12.

HK
1965

Дорогому
Константину Константиновичу
Редуту
от земляка - художника
С. Соловьева

25 ав.
1966.

А. Кузбашев

Художник и время

ЛЕТИТ КРЫЛАТЫЙ ПЕГАС

В своей знаменитой книге «Россия во мгле» Герберт Уэллс писал об удивительных, но непонятных для него издательских начинаниях Горького, предпринятых в 1918 году: в голодящей России сотни людей работают над переводами; книги, переведенные ими, печатаются и могут дать новой России такое знакомство с мировой литературой, какое недоступно ни одному народу...

Получивший одобрение В. И. Ленина план Горького по изданию Библиотеки всемирной литературы — несмотря на все трудности — продолжал осуществляться. Внешность книг соответствовала бедности тогдашних полиграфических средств.

Мне каждый раз вспоминаются те годы и те книги, когда я беру в руки очередной том «Библиотеки всемирной литературы» (БВЛ), выпускаемой ныне издательством «Художественная литература». За полстолетие, истекшее с тех пор, многие издательства выпустили книги мировой классики, но «Библиотека», издаваемая «Художественной литературой», особенно подчеркивает свое следование замыслам А. М. Горького. Даже марка, украшающая переплеты новой серии, повторяет

«Дон Кихот» или Рокуэлла Кента к «Моби Дику», большая же часть работ выполнена заново для настоящего издания советскими художниками. Я счастлив тем, что и мой кирпичик есть в этом монументальном здании. Уже печатается том рассказов Н. С. Лескова, для которого сделал новый цикл иллюстраций.

В обычной практике наших дореволюционных издательств — Сытина, Сойкина, Маркса иллюстрации к зарубежным авторам были только импортные: Предпочитали выписывать готовые клише из-за границы, считая этот способ более экономным. Такое же положение наблюдалось и в детской книге. В сущности вся наша советская детская книга с ее колоссальными тиражами и целой армией писателей и художников возникла почти на посту месте.

Мне помнится, в 1933 году в издательстве «Academia» вышли в свет «Посмертные записки Пиквикского клуба» с иллюстрациями В. Милашевского — эта попытка советского художника проиллюстрировать английского классика показалась многим неслыханным дерзанием.

Теперь положение иное. Помимо иллюстративных циклов отечественной литературы

Удачно использованы в иллюстрациях к тому «Русской прозы XVIII века» русские народные картинки. В тех случаях, когда писатель обладает вторым даром — художника, том иллюстрируется его рисунки: Гюго, Теккерей, Келлер, Шевченко, Маяковский. Книги авторов братских социалистических стран даны с иллюстрациями их соотечественников: И. Вазов — Тодора Панайотова, Я. Гашек — Йозефа Лады.

Однако, повторяю, большую часть книг БВЛ проиллюстрировали советские художники. Я пересмотрел еще раз вышедшие тома и насчитал что-то около семидесяти имен — поистине, это парад советской книжной графики. Радуешься, что встречаешь много имен талантливой молодежи, для которой участие в этом издании является как бы посвящением в звание мастера.

Иллюстрация так же, как и всякая другая область искусства, — это призвание. Особенная способность «перерабатывать» образы литературного произведения в пластические образы. И не всякому художнику дана эта способность. С великим удивлением узнал я из воспоминаний современников, как сам И. Е. Репин, восхищаясь

в ежегодном конкурсе на 50 лучших книг соревнуются не только столичные издательства, но и республиканские и областные. За последние годы отмечены дипломами книги, изданные в Минске, Таллине, Ташкенте, Фрунзе, Перми.

Выпуск «Библиотеки всемирной литературы» — своеобразный этап книгоиздательской деятельности в Советском Союзе. Несомненно, что десятилетняя работа над таким сложным, объемистым и многоплановым изданием, как БВЛ, даст ценнейший опыт, полезный не только издательству «Художественная литература», но и всем издательствам страны...

Я смолоду был охотник до книжек и страстный читатель. Помню пестрый, увешанный сытиńskими лубочными картинками ларек на базаре, где торговали книжками для «простого народа». Листовки в 16 страниц стоили 2 копейки, книжки потолще, в цветных обложках — пятак. Были «божественные» — о святых мучениках и подвижниках, были и «светские» вроде «Анекдотов о шуте Балакиреве». Гимназисты тратили свои пятаки на «Приключения Ната Пинкerton» и «Ника Картера», которые продавались в газетных кiosках.

книгах,— стремительно летящего крылатого Пегаса. Добавим, что план теперешней «Библиотеки» значительно шире: в него включены литературные памятники Древнего Востока и античного мира, средних веков и Возрождения, а также национальных классиков республик Советского Союза.

К настоящему времени выпущено свыше ста томов «Библиотеки» — более половины плана. Их нарядный переплет из штапеля, цветные иллюстрации, отличное качество бумаги и полиграфических работ — все это делает честь издательству и московским типографиям, где эти книги напечатаны, — Первой образцовой имени А. А. Жданова и типографии «Красный пролетарий». На международной книжной выставке в Лейпциге в 1971 году «Библиотека всемирной литературы» отмечена высшей наградой — золотой медалью.

Следует особо отметить четкий ритм выпуска книг «Библиотеки»: 20 томов объемом от 35 до 40 печатных листов выпускается в течение года, чуть не каждые две недели — том.

Иллюстрации в части книг уже известные, классические, как, например, гравюры Доре к «Божественной комедии» и

художники освоили и те области мировой литературы, которые доселе были для нас неизвестной целиной. Даже те произведения, к которым существуют апробированные временем иллюстрации прославленных художников, например «Божественная комедия», «Дон Кихот», «Путешествия Гулливера», драмы Шекспира, нашли своих истолкователей среди советских иллюстраторов.

Надо сказать, что это не просто вариации на заданную тему. Ведь каждая эпоха заново, по-своему раскрывает наследие классической литературы и каждый цикл новых иллюстраций является попыткой нового прочтения литературного памятника, разумеется, при условии, если такая задача художнику по плечу.

Очень оживляют текст «Былого и дум» многочисленные портреты и снимки тех мест, которые связаны с жизненным путем Герцена. В «Изборнике древнерусской литературы» текст иллюстрируют снимки миниатюр из лицевых рукописей. «Театр французского классицизма» сопровождают эффективные детали французских gobelins из собрания Государственного Эрмитажа, для «Шах-наме» подобраны миниатюры XVI—XVII вв.

бесплодных попыток сделать по заказу издателя иллюстрации к «Тарасу Бульбе» отказался от заказа: «Не выходит. Это ведь очень не просто... Я совершенно понимаю теперь, что мне не дано быть иллюстратором». А ведь, казалось бы, кому же, как не автору «Запорожцев», иллюстрировать «Тараса Бульбу»!

Иллюстратор должен уметь читать. Мне приходилось слышать о новом способе «скоро-го чтения». Не уверен в его универсальной пользе, во всяком случае художнику-иллюстратору он противопоказан. Наоборот, на собственном опыте могу засвидетельствовать великие преимущества «медленного чтения». Только этим способом вы приобщаетесь к творческому опыту писателя, получаете допуск в его лабораторию.

Высокое полиграфическое качество книг БВЛ при трехсоттысячном тираже свидетельствует не только о росте возможностей отечественной полиграфии, но и о возросшей (и продолжавшей расти) численности армии читателей самой читающей страны в мире. Читателей квалифицированных, требовательных не только к содержанию, но и к внешнему виду книги, ее оформлению.

Следует особо отметить, что

Весь этот книжный мусор исчез навсегда и бесследно, однако в те годы подобная «литература» пользовалась спросом и питала коммерцию. Тоненькие листовки издательства «Посредник» или изданий Вятского губернского земства, пытавшихся выпускать книжки «для народа» с самыми добрыми намерениями, были хотя и чистой, но каплей в море той книжной халтуры, которая разливалась по базарам и ярмаркам.

Наш рост познается в сравнении. Когда будет открыт у нас в Москве Музей книги (надеюсь, что доживу до его открытия), то в нем найдет место и эта лубочная «литература», которая была духовной пищей широких масс до революции.

Отчет наших достижений надо делать от тех лубочных книжек, что были предназначены «для народа». Положите любую из них во всей ее пятачковой роскоши рядом с любым томом «Библиотеки всемирной литературы»: это лучше всяких диаграмм даст вам истинное представление о российской культуре за годы Советской власти.

Н. КУЗЬМИН.

Член-корреспондент Академии художеств СССР, народный художник РСФСР.

№ 24. VI. 1973.

27. "Леви-ра и Физиб"
16. XII. 1960

Взыскательный художник

К 70-летию Н. В. КУЗЬМИНА

Николай Васильевич Кузьмин — художник большого литературного вкуса. Он никогда не довольствуется только своим умением иллюстрировать книгу. Искусство красивой иллюстрации доступно многим художникам. Но искусство войти в атмосферу писателя, продолжить в иллюстрациях строй созданных им образов доступно только тем художникам, которые умеют глубоко прочесть книгу.

Н. В. Кузьмин умеет глубоко читать книги; он не возмется иллюстрировать то, в чем не почувствует созвучия своему творческому почерку. Печерк этот особенный, и Кузьмин уже на протяжении не одного десятилетия раскрывает перед читателями то, что лежит иногда за страницами книг, в их подтексте. Так воссоздал он в манере пушкинского рисунка первом воображаемый мир «Евгения Онегина»; для этого недостаточно было одного искусства художника, искусства даже самого изощренного; для этого нужно было подлинное чувство эпохи и видение ее как глазами Пушкина.

Лукавство лесковской речи, гиперболичность его образов — в одном из самых острых pamphletov в русской литературе «Левиша» — нашли в Кузьмине не только искусственного иллюстратора; его гротескные рисунки являются как бы продолжением лесковского текста, в котором больше гнева и ненависти, чем кажущейся с первого взгляда иронии. Художник, не сумевший глубоко прочесть «Левиша», ограничился бы беззлобными сатирическими рисунками, как это сделал Н. Каразин во втором издании «Сказа о тульском левше и о стальной блоке» в 1894 году. Кузьмин остро, именно по-лесковски, осмеял придворный мир николаевской России, но сумел вместе с тем выразить и глубокое сочувствие к умельцу из народа, ставшему символом народного гения. Образ «левши», созданный Кузьминым, так же бесспорен, как бесспорен и созданный им образ Пенторалиса в «Железной воле» того же Лескова.

◊
В. ЛИДИН
◊

стью книги. Наши типографии, привыкнув к массовым тиражам, не хотят утруждать себя ни специальным набором с отступами для рисунков в тексте, ни даже простыми вклейками иллюстраций. Все, что отступает от стандарта, представляется им ненужной прихотью, тормозящей ритм выпуска книг. Кузьмин относится к числу тех художников, которые твердо отстаивают свои права и в отношении внешнего вида книги, начиная с ее шрифта и формата. Своими правилами на этот счет он никогда не поступался, как не изменял своему вкусу и почерку. Продюханные книги у Кузьмина не найдешь. Все иллюстрированные им книги исполнены внутреннего вида и изящества, и остается лишь раз пожалеть, что у нас до сих пор нет музея книги.

У Кузьмина, в частности, могли бы поучиться молодые художники книги. Изучая его манеру, они поняли бы прежде всего, что верность цели определяет творческий облик художника: Кузьмин всегда искал, как ищет и ищет. Он не довольствуется найденным, хотя бы это и принесло ему удачи в прошлом. Он знает, что лишь единство ощущения мира — мира писателя и мира художника, который его иллюстрирует, — создает гармонию книжной иллюстрации, вернее говоря, дыхание книги.

Иллюстратор призван не задерживать внимания читателя, а, наоборот, вовлекать его в авторский мир, пластически развивая мысль и образы писателя. Кузьмин наглядно преподает этот непреложный закон своими иллюстрациями к Пушкину, Лескову или Терпигореву; по этим иллюстрациям можно познать и то, что взыскательный к себе художник никогда не сворачивает с избранного им пути, не прельщается дешевым успехом, идет самой трудной дорогой, идет упорно, десятилетиями, и всегда в таких случаях по следу его почерка приходят известность и признание.

Когда человеку искусства исполняется 70 лет, ему нередко говорят добрые слова из уважения к его долгому труду и к возрасту, смягчая углы и забывая недостатки.

ства оформления книги. В истории нашей русской литературы образцы такого классического единства. Тимм, Агин, Боклевский создали целую эпоху книжной иллюстрации, подобно тому как это сделали Гаварни, Гранвиль или Домье во Франции в своих иллюстрациях к книгам так называемых «романтиков». Их иллюстрации существуют не сами по себе, а в гармоническом сочетании с внешностью книги. Мы нередко делим художников на иллюстраторов и оформителей, как бы отводя оформителям подсобную роль. Это, несомненно, неверно. Художником книги может называться только тот, кто безотносительно от иллюстраций чувствует природу книги.

Н. В. Кузьмин соединяет в себе оба качества: иллюстрируя книгу, он хорошо понимает и законы ее оформления; его иллюстрации всегда тесно увязаны с внешно-

стью произведения. Страна все же не забывает о Кузьмине и такому художнику всегда приятно сказать, что с годами не только не ослабел, а, напротив, — окреп его талант, еще более зрелым стало его мастерство, еще глубже научился он читать книги, выискивая в них то, что близко его творческому сознанию и вызывает в нем ответные эмоции. Мне кажется, что Кузьмин на протяжении всей своей творческой жизни ни разу не выжидал, когда ему предложат что-либо иллюстрировать, а сам стремился находить то, что близко его духу.

В смысле своих находок Кузьмин почти никогда не ошибался. Не ошибались и читатели, зная, что, встретившись с рисунками Кузьмина, они почувствуют в них твердую руку художника, влюбленного не только в перо, акварель или кисть, но, пожалуй, прежде всего — в слово.

He может же бываете боюсь A. AHNKCTA
HHT TOATPOKOЕ HEMDINGTNE MEEKA
HDP MONDRAN BABAECTE, TJO TOLCOT-
croe otdinjanie kvaliteta, tjo tolcot-
AHNKCTA MOJGATET, tjo tolcot-
A. AHNKCTA OBRAC-
HE MOKCT HE BABAET BO3PAKE

A. AHNKCTA
Нам показали проще.

Н. КУЗЬМИН

КРУГ ЦАРЯ СОЛОМОНА

(ИЗ ПРОШЛОГО)

МЛАДШИЙ сын бабушки — дядя Вася — служил приказчиком в магазине купца В. П. Попова «Бакалейные, галантерейные и проч. товары». Дядя Вася был молод, зелен, горяч и неуживчив: не прослужив и года, он поссорился с хозяином. Попов его выгнал и в отместку за строптивость пустил слух, что выгнал Ваську за воровство. Худая слава хуже «волчьего билета». К кому ни скажется дядя Вася наниматься — везде ему отказ.

Наступили для племени чащины дни. Он стоял

сидеть сторожем! Это дело старицкое. Он слоняется по саду, посвистывает, томится, то над озером посидит, то, глядишь, спит под кустом, натянув на голову драную вату. Я не скучаю: у меня свое занятие — глотаю запоем в «Ниве» исторические романы Всеволода Соловьева и Салиаса.

Хожу я за «Нивой» в город к барину Дроздову, который сиднем сидит в кресле у окошка и с утра до вечера глядит на улицу Калганикову. Мой приход для него — истинное развлечение: он с утра извещался от скуки и с жадностью принимается меня расспрашивать про разныености: много ли яблок уродилось в саду? А кто соседи, кто слева, кто справа, кто у них сторожем? Какая рыба ловится в озере? Не поступил ли на должность дядя Вася? (Дядины беды ему досконально известны). Оглянувшись на дверь, он понижает голос и спрашивает:

ходят ли к дяде Васе бабенки в шалаш? До всего ему дело.

Я отвечаю кое-как: мне не терпится добраться до книжного шкафа, битком набитого переплетенными томами старых иллюстрированных журналов. Наконец я вырываюсь от Дроздова с вожделенной добычей. От жадности я забираю сразу два годовых тома «Нивы» и, обливаясь потом, мученически тащу их по солнцу три версты до сада. Зато разведения мне на всю неделю. Да-

— Куда ты? Нельзя; доктор не велел! — сказал он почему-то шепотом. — У нас в доме дифтерит.

Заболели сразу двое — сестра и маленький брат. — Погляди на них в окошечко.

Я залез на завалинку и прислонил к стеклу — в кровати лежала Маня, а на сундуке — маленький. Я стукнул в раму. Сестра повернула на стук голову, узнала меня и улыбнулась жалкой страдальческой улыбкой. Отец дал денег и велел покупать хлеб на базаре.

— Да не таскайся зря в город — почти в каждом доме зараза.

Я вернулся в сад к дяде с горьким чувством.

Через несколько дней пришла под вечер тетка Поля и, утирая слезы, сказала, что Маню схоронили, а завтра будут хоронить Пашу, но приходит домой еще нельзя, пока не сделают дезинфекцию.

После похорон мать перестала совсем ходить в сад: ее все тянуло на кладбище, к свежим могилам. Отец приходил изредка, но был молчалив, рассеян, ко всем делам безучастен. А сад теперь как раз и требовал хозяйствского внимания. Начали созревать и падать яблоки. По утрам сторожа из соседних садов сходились и рассказывали истории, как к ним «лезли», а они стреляли в воров пшеном и солью. Яблоки лежали повсюду кучами, и девять их было некуда.

Дядя Вася решил показать распорядительность, нанял подводу, и в одно из воскресений мы поехали с ним по деревням торговать яблоками. Мы выехали, когда уже ободряло. День жаркий, небо без облака, лошадка плятется слегеле. Мы едем полем, озимые хлеба почти созрели,

уты из дома куда-нибудь с утра пораньше, чтобы никому не мозолить глаза. Бабушка щуяла его беспрестно:

— Ну, куда снарядился? Диви бы за делом каким, а тó опять шалберничать, опять слонов продавать!

Дядя Вася угрюмо молчал, только хмурил свои густые, сросшиеся на переносице брови.

— Да ты не надувай губы-то! Сердит да не силен — дергум брат! Шел бы ты лучше к Василь Петровичу, поклонися бы ему, он тебя рассказнил, он тебя и помилует. С богатым, гляди-ка ты, не перетянемшься!

— Куда я пойду, мамаша? — говорит дядя плачущим голосом. — Помилует он, черт толстопузый, как же, дождайся! Я ему под горячую руку такого напел, что он век будет помнить! Нет уж, видно, не миновать мне куда ни на есть подаваться...

— Куда тебя шут понесет, омежной! Ох, парень, горюшко мое! Видно, не учila я тебя смолоду. Правду говорили старые люди: учи, пока чадушко поперек лавки ложится, а как вдоль лавки протянется — тогда уж поздно. Набаловалася ты с ребятами в рюмочку глядеть да в колбаску виолочкой тыкать...

Дядя Вася, скрипнув зубами, хватал фуражку и убегал на базар пытать счастья.

Бабушка тяжело вздыхает, оставляет коклюшки и раскрывает свой сундучок. Крышка от сундука оклеена изнутри пестрыми этикетками от чая, а среди прочего бабушкина добра в нем хранится ветхий листок с картинкой и надписью «Гадательный круг царя Соломона, или предсказатель будущего в 150 ответах». На картинке изображен голый старик с повязанным под брюхом полотенцем. Он, согнувшись, держит на плечах большой круг с цифрами. Из середки круга глядит солнечный лик, а цифры идут от солнца, как лучи. Наставление к гаданию гласит: «Кто желает узнать будущее, то взять зерно и бросить в середину круга и под тем числом узнать судьбу, упадет зерно, искать ответ на задуманное».

Бабушка расправляет листок на столе и бросает зерно на покрытый цифрами «Круг царя Соломона». Она неграмотна; ответ по таблице нахожу ей я. Ответ оракула таков: «Баба бредит, да только никто не верит, без хлопот зажми свой рот, а на чужой каравай от не развеши».

Дядя Вася до утра не охотник, разве посмотрит картины. Он слоняется по саду, постреливает из шомпольного ружьишко в ворон; придет время обеда или ужина — разведет костер, варит в котелке кашицу.

Иногда на дым придет к костру глухой старик — сторож из соседнего сада, и спросит всегда одно и то же:

— Сколько времени, Василь Михалыч?

Дядя Вася крикнет сперва ему в ухо: «Целое бремя» или «без четверти пять минут», потом взглянет на свои серебряные карманни и ответит по-настоящему. Старик щерит беззубый рот — понимаю, дескать, шутку, помолчит, потопчется, а потом добавит нерешительно:

— А не разживусь я у вас хлебушка? Штой-то мне нонче запоздали принести.

Ему насыпали в шапку все завалившиеся у нас куски черствого хлеба и приглашали к нашему котелку.

«Настали теплые ночи, мы перебрались спать в шалаш и просыпались утром под гомон птиц. А в саду и в лесу за садом шла своя тихая торжественная жизнь. Каждый день приносил что-нибудь новое. Отцвели ландыши и купавки, зацвели на лугу у озера лютики, гравилат, раковые шейки, калина. Вдоль дорожки распустились бутоны желтого шиповника, золотые цветы величиною почти в ладонь ярко горели на темной зелени. На озере расцвели водяные лилии и кувшинки. А когда солнце поднималось высоко и воздух начинал струиться от зноя, сад замирал в тишине и оцепенении, только пчелы гудели в цветах липы.

Однажды в июле месяце у нас кончился запас, и дядя Вася послал меня в город за хлебом. Был ветреный день, небо было грифельного цвета. По улицам ветер гнал столбы пыли. Наш дом с виду поразил меня чем-то тревожно необычным. Почему в такой жаркий день закрыты окна? Почему на запоре калитка и дверь? Почему никого не видно?

Я постучался — открыл отец. Он посмотрел на меня испуганно, будто не узнал.

желтыми нивами в знойном небе трепещут кобчики. На горизонте насыпь железной дороги — одинокий разъезд без единого деревца, телеграфные столбы тянутся вдоль насыпи. Жарко, хочется пить. Но вот на пути овраг, поросший мелколесьем, внизу — прохлада, родник, обделанный срубом, голбец с иконкой. Мы спускаемся на путь.

До ближайшей деревни Студеновки — двенадцать верст, но едем мы часа три, не меньше. То лошадь станет, то дядя Вася возится, поправляет упряжку и по неопытности делает это долго.

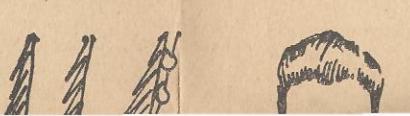
Деревня Студеновка — сонная, будто вымершая. «Эй, яблок, яблок, кому яблоки!» — заводит дядя Вася бодро. Шавки со всей деревни сбегаются обляять нас. Подходят белоголовые и голопузые ребятишки. Торговля меновая: за куриное яйцо фунт яблок. У нас тарелочные весы. Баба спрашивает: «А кошеч берете?». Срам какой: нас принимают за «тарханов», которые собирают по деревням тряпье, кости, кошачьи шкуруки. Торговля у нас идет плохо. До праздника Преображения — «яблочного спаса» — взрослые люди в деревнях не едят яблок — считается за грех. Все наши покупатели — несмышленые сопляки. Дядя Вася уже без весу сыплет яблоки в картузы и подолы, но и при такой торговле добрая половина ввоза остается нераспроданной.

После Студеновки нам больше никуда не захотелось ехать, и мы повернули домой.

— Не вздумай рассказать кому, — говорит дядя дорогой, — что нас за «тарханов» приняли — сраму не оберешься!

Отец уже тяготился садом и не чаял, как с ним развязаться. Из-за недогляда все шло хуже некуда. Сгнило в стогах сено, сложенное непросохшим. Стога раскидали, внутри оказались черные заплесневевые ошметки, от которых корова воротила морду. Отец с досады продал весь урожай яблок оптом за полцены, и мы с дядей вернулись в город.

А по осени вся родня провожала дядю Васю на станцию. Он спился с земляком, который уехал прежде, и отправлялся теперь в Баку искать счастья. Бабушка, торжественная и грустная, в праздничном платье и в черном с цветами платке сидела на вокзале, держа в руках узелок с пышками на дорогу. Она вздрогнула и испугалась, когда прозвенел колокол у вокзала. Все вскочили и засуетились.

нито, а если подумать — да разбросано
всем нехорошо. Еще пуще тоска от этого оракула.

Чтобы пристроить дядю Васю к какому-нибудь делу, отец решил снять на лето фруктовый сад за городом, верстах в трех от дома, а дядю посадить в нем караульщиком.

— Задаром сдаю, истинно! — уверял мещанин в поддевке, хозяин сада. — Да ты, Василь Васильич, одним сеном эти деньги оправдаешь! А ягоды? А яблоки? Пойди, погляди, какой цвет в этом году — сила!

Ходили глядеть всем семейством, как цветут яблони. Сад расположен был по склону горы: на верху за садом — мелколесье, внизу — озеро, справа и слева за плетнями — садовые участки других владельцев. Среди сада стояла крытая камышом изба, а на горе шалаш из хвороста. На озере у поросшего ольхой берега был привязан челнок. Чудесный сад! Великолепный сад!

— Рыбы в озере не перетаскаешь! — нахваливал хозяин. — Карасики, линьки: хочешь — уху, хочешь — поджарить.

Сад цветл хорошо, слов нет. Но теперь тревожили новые заботы. А какова будет завязь? А ну как хватит утренний мороз? Иль червь нападет? Цыплят по осени считают.

Было решено, что дядя Вася переберется в сад немедленно. Я поохотился жить вместе с ним, как только кончатся занятия в школе.

И вот мы живем в саду, одни на приволье. Только по воскресеньям приходит в сад все наше семейство «блаженствовать» на целый день. Изредка после работы прибегает отец ловить с дядей рыбу бреднем.

Дядя Вася в саду скучно; что за занятие, в самом деле, для молодого малого жениховских лет —

Рисунки АВТОРА

«Литература и жизнь» выходит три раза в неделю: в среду, пятницу и воскресенье

Адрес редакции: Москва И-51, Цветной бульвар, 30. Телефоны (коммутатор — К 5-00-00): секретаря вчурренной жизни — доб. 10, международной жизни — доб. 1-98, искусств — доб. 1-50, писем —

вышел, еще тридцать три минуты ожидания. Снова сели, стали ждать. Подошел поезд. «Стоянка восемь минут», — объявил обер-кондуктор в мундире с малиновым кантом, со свистком на пестром шнурке. Пассажиры из вагонов побежали: одни в буфет, другие за кипятком на платформе. Дядя Вася и отец пошли по вагонам искать места. Вдруг прошло два звонка. Все бросились к вагонам. Одна баба бежала с пустым чайником: видно, не успела налить кипятку. Обер-кондуктор свистнул, паровоз загудел, поезд тронулся. Дядя Вася в открытое окно махал нам фуражкой.

Теперь бабушка живет в постоянной тревоге и все ждет писем. Дядя Вася письма шлет редко, пишет в них скучно, отрывисто, загадочно, шутит невесело: «Жив, здоров, хожу без сапог, чего и вам желаю». Или: «Дела мои ни шатко, ни валко, ни на сторону». Или еще: «Живу хорошо в ожидании лучшего».

Бабушка всплакнет потихоньку и достанет из сундучка свой «Гадательный круг царя Соломона». Бросит на круг зернышко.

«Колюшка, посмотри, чего вышло». Я читаю: «Ты хочешь узнать о важном деле, то лучше погадай на будущий неделе».

Бабушка мечет зернышко снова, и я опять ищу нужный номер. Ох, кажется, какая-то гадость: «Не верь обманам, тебе грозят бедами, змея ползет между цветами!»

У меня не хватает духа огорчить бабушку таким зловещим предсказанием, и я читаю ей другое, строчкой выше: «Получишь счастье большое и богатства сундуки, и золото к тебе польется наподобие реки».

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной

„Лит. Газ.“